

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Е. В. Коротких

Образовательно-карьерные траектории «транзитных» студентов: «колледж — вуз»¹

КОРОТКИХ **Елизавета** **Витальевна** — стажёр-исследователь Центра развития навыков и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ. Адрес: 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11.

Email: evkorotkikh@hse.ru

Исследование направлено на изучение транзитной образовательной траектории «колледж — вуз». В работе исследуются предикторы включения российской молодёжи (15–26 лет) в этот образовательный маршрут и оценивается отдача транзитной траектории на заработную плату выпускников. Мы разделяем транзитную траекторию на два класса: завершённый транзит (поступившие в вуз сразу после выпуска из колледжа) и отложенный (поступившие в вуз через некоторое время после окончания колледжа). Эмпирическую базу исследования составляет лонгитюд «Траектории в образовании и профессии» (2011–2020 гг.). В подвыборку для данного исследования входят выпускники учебных заведений среднего профессионального образования (СПО), среди них те, кто (1) окончил колледж и дальше не учился, (2) окончил колледж, учится в вузе по состоянию на 2020 г., (3) окончил и колледж, и вуз. В качестве метода применяется регрессионный анализ.

Выяснилось, что предикторами транзита «колледж — вуз» являются высокий социально-экономический статус выпускника учреждений СПО (высшее образование у родителей) и хорошая успеваемость в школе. Однако вход в транзит в большей степени зависит от социально-экономического статуса, так как при добавлении в модель этой переменной успеваемость становится статистически незначимой. Таким образом, образовательный маршрут «9 классов — колледж — вуз» относится не к каналам социальной мобильности, а, скорее, к инструментам воспроизводства более высоких статусных позиций, чем у выпускников только с дипломом о СПО.

Опыт работы «транзитного» выпускника, в том числе полученный в формате совмещения учёбы и работы, даёт значимую отдачу на заработную плату, однако окончание вуза после колледжа, к 24 годам, не производит такого эффекта. Таким образом, в терминах теории человеческого капитала у недавних «транзитных» выпускников «колледж — вуз» специфический человеческий капитал даёт более выраженную отдачу, чем полученное образование — общий человеческий капитал.

Ключевые слова: транзитная образовательная траектория; социально-экономический статус; академическая успеваемость; социальная мобильность; человеческий капитал; отдача от образования; регрессионный анализ.

¹ Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В образовательном дискурсе под образовательно-карьерной траекторией понимается смена положения человека в образовании и на рынке труда. Наиболее привычной траекторией в России [Мальцева, Розенфельд 2022], как правило, считают поступление в вуз после 11 классов школы, а также выход на рынок труда и постоянную работу по его окончании. В других развитых странах также традиционным маршрутом является плавный переход из старшей школы к высшему образованию [Milesi 2010; Boylan 2020]. Однако в последнее время в развитых странах набирают популярность все более нетривиальные и извилистые образовательные маршруты [Walther, Plug 2006; Furlong 2016]. Наше исследование направлено на изучение активно обсуждаемой в научном сообществе транзитной траектории «9 классов — колледж — вуз».

В России с каждым годом всё больше школьников поступает в колледжи, особенно на программы подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ). В 2010–2021 гг. доля поступающих на такие программы СПО после 9-го класса выросла на 12 п. п. [Дудырев et al. 2022b]. Выпускники учреждений СПО составляют около 30% контингента высшего образования в России [Дудырев et al. 2022b], почти треть выпускников колледжей выбирают восходящий образовательный маршрут и поступает в вузы. Отдавая предпочтение транзитной траектории, выпускники колледжей могут руководствоваться разнообразными мотивами.

Во-первых, образовательный путь «колледж — вуз» можно рассматривать как канал социальной мобильности для выпускников колледжей, так как после 9-го класса в СПО идут менее ресурсные социальные группы, чем в 10-й класс старшей школы [Александров, Тенишева, Савельева 2015; Константиновский, Попова 2018]. При этом благодаря транзитной траектории для таких студентов не блокируется путь к высшему образованию и социальной мобильности по его окончании. В то же время выпускники колледжей, продолжающие обучение в вузе, могут быть представителями более ресурсных групп, чем средний выпускник СПО [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018], что, наоборот, будет ограничивать возможности социальной мобильности транзитного трека.

Во-вторых, выпускники СПО могут совершать транзит для продвижения по карьерной лестнице. Согласно теории человеческого капитала [Becker 1962], во время обучения в вузе студенты учреждений СПО приобретают новые навыки и накапливают общий человеческий капитал, что приводит к повышению потенциальной заработной платы. Также с точки зрения теории сигналов [Spence 1973] выпускники колледжей могут получать диплом бакалавра как сигнал для работодателя о наличии необходимых способностей для производительного труда. Таким образом, выпускники колледжей могут выбирать транзитную траекторию как предпосылку успешного перехода на рынок труда и более высокой заработной платы.

Образовательно-карьерные траектории являются распространенным объектом как социологических, так и экономических исследований. Социологические исследования направлены на выявление причин выбора того или иного образовательного пути, а экономические — его результатов. Социологи, например, нередко изучают образовательные маршруты с опорой на теории рационального действия [Breen, Goldthorpe 1997] и теорию избегания риска [Breen, Werfhorst 2014]. С точки зрения теории рационального действия СПО в целом выбирают наименее благополучные в социально-экономическом отношении социальные группы [Александров, Тенишева, Савельева 2015; Константиновский, Попова 2018], школьная успеваемость которых затрудняет поступление в 10-й класс и последующий вход в высшее образование. Поскольку выпускники колледжей могут поступить в вуз без сдачи Единого государственного экзамена (ЕГЭ), этот путь называют «обходным манёвром» [Адамович 2022]. Такая стратегия поступления в вуз может быть оптимальна для студентов из менее обеспеченных семей. Од-

нако некоторые исследователи, опираясь на теорию избегания риска (*relative risk aversion*), приходят к выводу, что траектории «колледж — вуз» как способу избежать ЕГЭ отдают предпочтение, наоборот, школьники из более ресурсных семей, но менее успешные академически [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018]. Однако данную точку зрения опровергает то, что реальное количество поступающих в вузы сразу после получения СПО выпускников колледжей снижается (хотя и остаётся высоким — около 30%), несмотря на рост приёма в учреждения СПО на базе 9 классов [Мальцева, Шабалин 2021]. В исследованиях с экономической оптикой, в свою очередь, изучаются результаты, к которым приводит тот или иной образовательный маршрут. Согласно теории человеческого капитала [Becker 1962], перешедшие из колледжа в вуз студенты наращивают человеческий капитал и становятся более перспективными кандидатами на рынке труда. Можно предположить, что инвестиции в такую образовательную траекторию в долгосрочной перспективе принесут защиту от непостоянной занятости и более высокий доход, чем у не совершивших транзит в высшее образование и получивших только СПО [Мальцева, Розенфельд 2022].

Таким образом, транзит выпускников колледжей в вуз активно обсуждается исследователями. Тем не менее предикторы включения российской молодёжи в транзитную траекторию остаются малоисследованными (исключением является работа: [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018]), а карьерные траектории участников такого трека пока вообще не были охвачены эмпирическими исследованиями.

Цель данного исследования: выявить значимые факторы, связанные с выбором выпускниками СПО транзитной образовательной траектории (социально-экономический бэкграунд, успеваемость, личные характеристики), а также оценить отдачу от транзита «колледж — вуз» на заработную плату выпускников колледжей. Мы разделяем данный образовательный маршрут на два вида: завершённый транзит (поступившие в вуз сразу после выпуска из колледжа) и отложенный (поступившие в вуз через некоторое время после окончания колледжа). Таким образом, в фокусе нашего внимания находятся выпускники учреждений СПО, которые (1) окончили колледж и дальше не учились, (2) окончили колледж, продолжают обучение в вузе, (3) уже окончили и колледж, и вуз.

Наше исследование отвечает на следующие вопросы:

- какова вероятность получить высшее образование к 24 годам (оказаться в транзитной траектории) среди тех, кто получил СПО, в зависимости от их социально-экономического статуса (СЭС) и академических способностей?
- даёт ли транзитная траектория «колледж — вуз» отдачу на заработную плату выпускников СПО?

На основе теоретических положений и результатов зарубежных исследований транзитной траектории (см. подразделы «Факторы входа в различные образовательные маршруты», «Экономическая отдача от различных образовательных траекторий», «Обзор эмпирических исследований транзита “колледж — вуз” и экономической отдачи от данной траектории») были сформированы следующие гипотезы:

Гипотеза 1 (H 1). Шансы совершить транзит «колледж — вуз» выше у выпускников колледжей с более высоким СЭС, чем у окончивших только СПО;

Гипотеза 2 (H 2). Транзитная траектория «колледж — вуз» даёт отдачу на заработную плату выпускников СПО.

Исследование проведено на данных 1-й, 4-й, 5-й и 9-й волн (2012–2020 гг.) когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП)². На этих данных мы проследим десятилетние траектории тех, кто окончил колледж. В нашем исследовании также используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о валовом региональном продукте (ВРП) различных регионов России. В качестве метода применяется регрессионный анализ.

В статье четыре раздела. В первом из них представлен обзор академической литературы о транзитной образовательной траектории, а также теоретические основания для исследования данной темы. Во втором описывается методология данного исследования, в третьем — его основные результаты. Завершает статью дискуссия о результатах исследования и перспективных направлениях в исследовании транзитной траектории на российском материале.

Обзор литературы

Транзитная образовательная траектория «колледж — вуз» в России и за рубежом

В российской системе образования ключевой развилкой в образовательных маршрутах является переход после 9-го класса, когда часть школьников продолжает обучение в 10-м классе и затем поступает в вуз («академическая траектория»), а другая часть после 9-го класса поступает в учреждения СПО («профессиональная траектория»). В последние годы всё больше девятиклассников выбирают для себя профессиональную траекторию и уходят в колледжи, а доля поступивших в 10-е классы школ снизилась почти на 12 п. п. [Дудырев et al. 2022b]. Выбор между данными траекториями зависит от социально-экономического статуса и успеваемости школьника [Богданов, Малик 2020]. Школьники из более ресурсных семей лучше учатся, поэтому чаще отдают предпочтение академическому маршруту, в то время как менее ресурсные имеют более низкую успеваемость и поступают в учебные заведения СПО [Александров, Тенишева, Савельева 2015; Константиновский, Попова 2018]. Однако данными треками не ограничивается многообразие возможностей для российских девятиклассников. Существуют и смешанные маршруты, одним из которых является переход в вуз после окончания колледжа на базе 9 классов («транзитная траектория»). Более трети выпускников учебных заведений СПО (35%) продолжают обучение в вузе [Дудырев et al. 2022b].

Транзитная траектория популярна и в других странах. Исследования на примере Великобритании показывают, что «транзитных» студентов в вузах становится все больше [Connor, Sinclair, Banerji 2006; Hayward, Hoelscher 2011]. Более того, квалификация СПО — вторая по популярности после *A-level* (аналог окончания 11 классов в России) среди абитуриентов британских вузов, чаще всего неселективных [Dunbar-Goddet, Ertl 2007; Vidal Rodeiro, Sutch, Zanini 2015] и более молодых [Schwartz 2004; Carter 2009]. В зарубежных исследованиях был выявлен и феномен обратной транзитной траектории, свойственной для склонных к отсеву из высшего образования студентов из менее ресурсных семей с низкой успеваемостью [Kalogrides, Grodsky 2011]. Под обратным транзитным маршрутом понимается ситуация, когда студент вуза отсеивается, но не бросает учёбу, а переходит в учреждение СПО, которое в данном случае играет роль страховочной сетки для выбывшего из вуза студента.

Двери российских университетов также открыты как для выпускников старшей школы, так и для окончивших учебные заведения СПО (чаще всего обладателей невысокого СЭС). Для этих последних вход в транзитную траекторию и получение более высокого уровня образования может служить каналом социальной мобильности, при этом выпускники учреждений СПО поступают в вузы на гораздо менее селективных условиях, чем результаты ЕГЭ. По этой причине в российской научной дискуссии об образовательных маршрутах данная траектория получила название «обходной манёвр» [Адамович 2022].

² См. подробнее: URL: <http://trec.hse.ru/>

У абитуриентов с дипломом о СПО есть возможность поступить в вуз либо по результатам ЕГЭ по трём-четырёх предметам, либо сдав внутренние вступительные испытания по тем же дисциплинам. Форму вступительных экзаменов для выпускников учреждений СПО (ЕГЭ или внутреннее тестирование) каждый вуз утверждает самостоятельно³. В некоторых случаях у абитуриентов есть возможность выбора комфортной формы вступительного испытания⁴. Если учебные планы программы СПО и бакалавриата пересекаются, транзитный студент большинства вузов может претендовать на перезачёт некоторых дисциплин и ускоренную форму обучения (на очной форме до трёх лет и на заочной — до четырёх)⁵. Студенты, совершившие прогрессию (транзит) в высшее образование после окончания колледжа, нередко совмещают учёбу с работой как во время обучения в колледже, так и на старших курсах вуза [Мальцева, Розенфельд 2022]. Можно предположить, что в долгосрочной перспективе такой образовательный путь должен принести дивиденды, а именно более высокий доход и защиту от непостоянной занятости, прекарности.

Факторы входа в различные образовательные маршруты

В качестве теоретической рамки для исследования образовательно-карьерных траекторий нередко используют теорию рационального выбора (*rational action theory*) и теорию избегания риска (*relative risk aversion*) Дж. Голдторпа и Р. Брина. Как следует из теории избегания риска [Breen, Werfhorst 2014], при выборе образовательного маршрута человек размышляет не только о потенциальных выгодах, которые может принести социальная мобильность, но и о более вероятных, на его взгляд, рисках снижения социального статуса. Иными словами, менее академически успешные абитуриенты не решаются рисковать и поступать на более селективные ступени в образовании, так как боятся потерпеть неудачу. По этой причине успеваемость является важным предиктором входа в образовательную траекторию. Шансы школьника войти в академический либо профессиональный трек не только зависят от академических способностей, но и подвержены влиянию социально-экономического неравенства, первичные эффекты которого выражаются в более высокой успеваемости у более ресурсных учеников [Boudon 1974]. Но некоторые исследования о вторичных эффектах неравенства в последующих образовательных развилках показывают, что даже при одинаковой успеваемости дети из более привилегированных семей с большей вероятностью входят в селективные треки (например, поступают в 10-й класс старшей школы или на программы высшего образования) [Хавенсон, Чиркина 2019]. Согласно теории рационального действия [Breen, Goldthorpe 1997], рациональное решение (в том числе выбор образования) всегда принимается в некоторых социально-экономических условиях, поэтому послешкольный образовательный трек человека не может не зависеть от СЭС его семьи. Исходя из данных, полученных в ходе лонгитюдного исследовательского проекта «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП), родители имеют высшее образование у 65,2% поступивших в 11-й класс школьников нашей страны, у 42,1% отдавших предпочтение транзитной траектории «девять классов — колледж — вуз» и только у 25% поступивших в учреждения СПО [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018].

Помимо социального неравенства, вход в более селективный образовательный маршрут обуславливает также и гендерное, так как девушки демонстрируют более высокую успеваемость, чем юноши, по-

³ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 14 октября 2015 г. № 1147, г. Москва «Об утверждении Порядка приёма на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры».

⁴ См. например, правила приема на обучение по образовательным программам высшего образования в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД): программы бакалавриата и программы специалитета на 2023–2024 учебный год (https://sutd.ru/upload/iblock/a57/pravila_vo.pdf).

⁵ Приказ Министерства образования и науки РФ от 6 апреля 2021 г. № 245 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры».

этому чаще оказываются на более селективных ступенях образования [Кирюшина, Рудаков 2021]. Выбор того или иного трека также обуславливает и территориальное неравенство, так как типы региона различаются по количеству и качеству университетов. Проживание в том или ином типе населённого пункта, типе региона может влиять на возможности человека получить более высокий уровень образования [Бессуднов, Малик 2016; Адамович 2022].

Таким образом, важными предикторами входа в тот или иной трек являются социально-экономический статус школьника, его академические достижения и гендер, а также регион проживания.

Экономическая отдача от различных образовательных траекторий

В исследованиях, посвящённых образовательным маршрутам и выходу на рынок труда, также уделяется внимание результату образовательного выбора и эффективности вложений в получение образования, показателем которой — положение на рынке труда и уровень заработной платы. Согласно теории человеческого капитала [Becker 1962], получение более высокого образования означает накопление общего человеческого капитала, а приобретение опыта работы во время учёбы, особенно по специальности, даёт возможность нарастить специфический человеческий капитал ещё до непосредственного выхода на рынок труда. Позитивное влияние на успешность выхода на рынок труда (а именно на заработную плату) наличия высшего образования [Рошин 2006] и совмещения учёбы и работы по специальности [Roshchin, Rudakov 2017; Dudyrev, Romanova, Travkin 2020] неоднократно на примере России демонстрируют различные исследования. Говоря о связи опыта работы с результатами на рынке труда, нельзя оставлять без внимания и семейное положение, так как наличие детей и вступление в брак повышает вероятность раннего выхода на рынок труда и совмещения учёбы с работой [Рошин 2006], то есть от семейного положения зависит опыт работы, а от опыта — потенциальный доход человека.

Образовательные траектории полезно рассматривать с точки зрения не только теории человеческого капитала, но и теории сигналов [Spence 1973]. Получая более высокий уровень образования (например, степень бакалавра после окончания колледжа), кандидат подаёт работодателю сигнал, на основе которого работодатель судит о продуктивности работника и устанавливает ему соответствующий уровень заработной платы — более высокий, чем у менее продуктивных сотрудников. Исследования также показывают, что для России характерно гендерное неравенство в заработной плате: при одинаковом уровне образования и опыте работы труд женщин оплачивается гораздо ниже, чем мужчин [Ощепков 2006]. Помимо этого, заработная плата человека может зависеть и от региона его проживания, и от отрасли занятости, так как в разных регионах и отраслях наблюдается разный уровень оплаты труда. Таким образом, при оценке связи того или иного образовательного маршрута с заработной платой выпускников необходимо контролировать опыт работы человека, пол, семейное положение, регион проживания и отрасль занятости, а также ненаблюдаемые когнитивные [Травкин 2014] и личностные характеристики (например, мотивация, социальный капитал, открытость новому опыту и т. д.), влияющие на включение человека в тот или иной образовательный путь и потенциальную отдачу от образования [Rzepka 2018].

Обзор эмпирических исследований транзита «колледж — вуз» и экономической отдачи от данной траектории

Транзитная траектория также активно обсуждается исследователями в контексте образовательного неравенства, однако предикторы входа в данный трек и отдача от него на рынке труда остаются малоисследованными. С точки зрения теории избегания рисков, многие исследователи приходят к выводу, что популярность транзитной траектории как более гарантированного и менее рискованного пути в вуз приводит к расширению сектора СПО [Беляков, Клячко, Полушкина 2018; Константиновский, Попова 2018].

Однако данная точка зрения была опровергнута, так как, несмотря на рост приёма в учреждения СПО на базе девяти классов, реальное количество выпускников колледжей, поступающих в вузы сразу после получения СПО, снижается, хотя и остаётся высоким: 30% окончивших колледжи сразу после выпуска поступают в вуз [Мальцева, Шабалин 2021]. Эмпирические исследования на российских данных показали, что роль транзитной траектории в системе образования неоднозначна. Данный трек является, с одной стороны, каналом социальной мобильности для студентов с низким СЭС [Александров, Тенишева, Савельева 2015], а с другой — «обходным манёвром» для менее академически успешных школьников из семей со средним и даже высоким СЭС [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018]. Зарубежных исследователей также занимает вопрос предикторов образовательных притязаний выпускников колледжей в контексте теории избегания риска [Puzić, Šabić, Ođak 2022], а также связи СЭС с шансами совершить транзит из колледжа в вуз. В ходе данного исследования было выяснено, что от социально-экономического статуса учащихся колледжей зависят их образовательные притязания и планы поступления в вуз.

Также зарубежные исследователи выяснили, что у сделавших перерыв между колледжем и вузом меньше шансов войти в транзит, чем у поступающих в вуз сразу после получения СПО [Dougherty, Kienzl 2006]. Предположительно и в России между этими группами будет разница в шансах на вход в транзит «колледж — вуз». Чтобы проверить данную гипотезу на примере российских транзитных студентов, мы разделяем транзитную траекторию на завершённую (поступившие в вуз сразу после выпуска из колледжа) и отложенную (поступившие в вуз через некоторое время после окончания колледжа) и предполагаем, что для представителей разных групп «транзитных» студентов будут справедливы разные теоретические рамки исследования их образовательного маршрута. Завершившие транзит поступили в вуз сразу после окончания колледжа (предположительно, чтобы воспользоваться «обходным манёвром»), а продолжающие транзит сделали перерыв между колледжем и вузом, провели некоторое время на рынке труда и приняли решение инвестировать в свой человеческий капитал и вернулись к учёбе.

Такое разделение «транзитных» студентов на рано поступающих (*early enrollees*) и поздно поступающих (*late enrollees*) в вуз проводилось и за рубежом (см. исследование, посвящённое экономической отдаче от высшего образования после получения СПО [Rzepka 2018]), так как время поступления в вуз может существенно влиять на успешность на рынке труда. Исследования показали, что «транзитные» абитуриенты сталкиваются с высокими альтернативными издержками, поскольку они не работают в период зачисления и перехода из колледжа в университет. При этом в долгосрочном плане выпускники «транзитной» траектории, как правило, получают более высокие совокупные доходы, чем окончившие только учреждение СПО, однако в этом вопросе существует значительная неопределённость. Мы предполагаем, что и в случае российских транзитных студентов будет наблюдаться похожая разница в оплате труда. Чтобы проверить эту гипотезу, мы разделяем транзит на завершённый и продолжающийся, а также рассматриваем экономические теоретические рамки для исследования транзита «колледж — вуз».

Методология исследования

Исследование, как уже отмечалось, основано на данных национальной панели когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП), которое реализуется Институтом образования НИУ ВШЭ и базируется на репрезентативной выборке учащихся 8-х классов, принявших участие в исследовании TIMSS-2011 (Trends in Mathematics and Science Study)⁶. В нашем исследовании используются данные девяти доступных волн ТрОП (2011–2020 гг.), возраст участников панели — от

⁶ Международное мониторинговое исследование качества школьного математического и естественно-научного образования.

15 лет в первой волне до 26 лет в последней (0,2% участников — 26 лет; 7% — 25 лет; 78,1% — 24 года; 14,5% — 23 года; 0,2% — 22 года). Данные ТрОП дают возможность отследить формирование долгосрочных образовательных траекторий учащихся. Также были использованы данные базовой волны TIMSS-2011 и Федеральной службы государственной статистики (Росстат) о валовом региональном продукте (ВРП) различных регионов России.

На основе данных девятой волны ТрОП ($n = 4040$) была сформирована выборка обладателей диплома о СПО из числа тех, кто учился в колледже на базе девяти классов. Как уже отмечалось выше, в выборку вошли следующие респонденты: (1) окончили колледжи и дальше не учились; (2) окончили колледж, учатся в вузе по состоянию на 2020 г.; (3) окончили и колледж, и вуз. Объём выборки составляет 1208 наблюдений.

Для ответа на первый исследовательский вопрос (предикторы входа в транзитную траекторию) на данной выборке выпускников колледжей ($n = 828$) проведена оценка мультиномиальной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной выступает категориальная переменная «Достигнутый уровень образования к 2020 г.», под которой подразумевается следующее: только СПО; СПО и оконченное высшее образование; СПО и продолжающееся обучение в вузе.

Две основные независимые переменные — это (1) социально-экономический статус учащегося и (2) его академическая успеваемость в школе. Как индикатор индивидуального социально-экономического статуса выбран уровень образования родителей, так как на основе данной характеристики лучше всего предсказывается общий СЭС школьника [Erola, Jalonen, Lehti 2016; Triventi et al. 2016]. Также исследования в российском контексте показали, что образование родителей довольно сильно связано с успеваемостью детей [Константиновский 2008]. Для измерения уровня индивидуального СЭС была создана категориальная переменная со значением 1, если у школьника оба родителя без послешкольного образования, то есть окончили 9–11 классов школы (низкий СЭС); со значением 2, если как минимум один из родителей имеет начальное профессиональное образование (НПО) или среднее профессиональное образование (средний СЭС), и со значением 3, если как минимум один из родителей получил высшее образование (высокий СЭС). В качестве показателя академической успеваемости используется балл по математике TIMSS, полученный в 8-м классе. Этот показатель более объективен, чем балл аттестата или по отдельным школьным предметам, а также формирует представление школьников об их дальнейших образовательных возможностях и может влиять на их выбор послешкольного образования [Бессуднов, Малик 2016].

Помимо этого, в логистическую регрессионную модель было добавлено несколько контрольных переменных, которые могут быть важными факторами построения образовательного пути (например, пол школьника). Укрупнённые коды направлений подготовки СПО были сгруппированы в четыре категории (технические специальности, естественно-научные, социально-экономические и гуманитарные). В качестве контрольных переменных рассматривались размер населённого пункта, где респондент проживал во время обучения в школе, и наличие детей на момент окончания колледжа. Последняя переменная, в отличие от семейного положения и наличия супруга(-и), связана с ранним выходом на рынок труда [Роцин 2006] и тем самым сильнее дифференцирует базовую («колледж — работа») и транзитную («колледж — вуз») траектории.

Итоговый набор независимых переменных следующий:

- социально-экономический статус учащегося (низкий — 1; средний — 2; высокий — 3);
- академическая успеваемость в школе (балл TIMSS по математике);
- пол (женский — 1; мужской — 2);
- специальность СПО (техническая — 1; естественно-научная — 2; социально-экономическая — 3; гуманитарная — 4);

- регион проживания при обучении в школе (сёла и посёлки городского типа (ПГТ) — 1; города с населением 50–100 тыс. человек — 2; с населением 100–450 тыс. человек — 3; с населением 450–680 тыс. человек — 4; более 680 тыс. человек — 5, Москва или Санкт-Петербург — 6);
- наличие детей на момент окончания колледжа (есть дети — 1; нет детей — 0).

Для ответа на второй исследовательский вопрос об отдаче от транзитной образовательной траектории на заработные платы из выборки были удалены пропущенные значения о трудовом доходе. Объём выборки для второго вопроса составил 938 наблюдений. Отдача определялась через стандартное уравнение Минцера, оценённое методом наименьших квадратов (МНК). Общее минцеровское уравнение, использованное в данной работе, принимает следующий вид:

$$\begin{aligned} \ln W_i = & \alpha + \beta \cdot Education_i + \gamma_1 \cdot Experience_i + \gamma_2 \cdot Experience_i^2 + \gamma_3 \cdot Gender + \gamma_4 \cdot Profession + \\ & + \gamma_5 \cdot Children + \gamma_6 \cdot Region + \gamma_7 \cdot Academic Achievement + e_i^2, \end{aligned}$$

где:

$\ln W_i$ — логарифм среднемесячной заработной платы выпускника i ;

Education — переменная, показывающая уровень образования респондента i (СПО, СПО и учёба в вузе или СПО и высшее образование);

Experience — опыт работы;

$\alpha, \beta, \gamma_1, \gamma_2, \gamma_3, \gamma_4, \gamma_5, \gamma_6, \gamma_7$ — коэффициенты;

Gender — дамми-переменная для пола;

Profession — отрасль занятости;

Region — квартиль региона проживания в 2020 г. по ВРП на душу населения;

Children — наличие детей в 2020 г.;

Academic Achievement — балл TIMSS по математике;

e_i^2 — случайная и нормально распределённая ошибка, включает независимые остатки.

Для всех выпускников колледжей создана переменная, выражающая размер ежемесячного дохода на основной и на дополнительной работе в 2020 г. Независимые переменные — это достигнутый к 24 годам уровень образования респондента и его опыт работы. Вторая зависимая переменная — опыт работы — представляет собой количество волн ТрОП, когда респондент имел временную и (или) постоянную работу, в том числе совмещал её с учёбой в колледже или в вузе⁷.

Контрольные переменные отражают социально-демографические характеристики респондента (пол, семейное положение), его образовательно-карьерный статус (изучаемая в учреждении СПО специальность и отрасль занятости) и региональные характеристики (ВРП на душу населения в регионе про-

⁷ Переменная опыта работы была рассчитана методом анализа последовательностей и взята из работы: [Мальцева, Розенфельд 2022].

живания). Тридцать четыре отрасли занятости выпускников были сгруппированы в четыре категории: первичный сектор (сельское и лесное хозяйство); сфера услуг (без социальных услуг и государственного сектора); промышленность и сфера услуг (социальные услуги, государственный сектор). Итоговый набор переменных выглядел следующим образом:

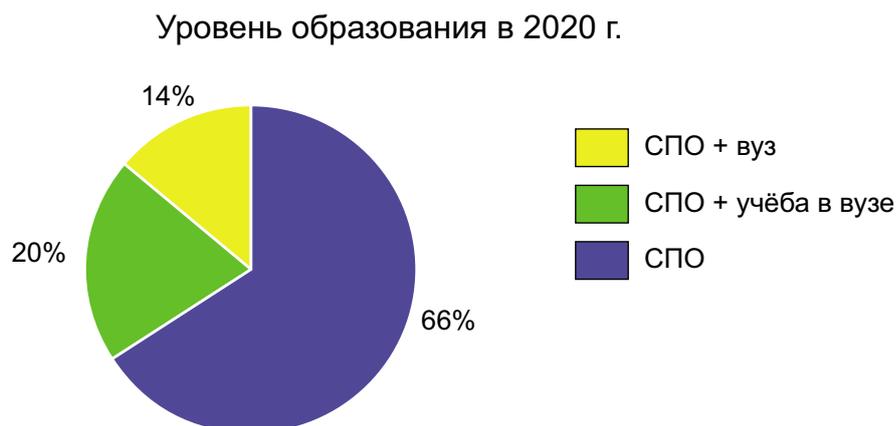
- достигнутый уровень образования к 2020 г.: 1 — окончил только учреждение СПО; 2 — окончил учреждение СПО и вуз;
- опыт работы;
- гендер: женский — 1; мужской — 2;
- отрасль занятости: 1 — первичный сектор; 2 — промышленность; 3 — сфера услуг (без социальных услуг); 4 — сфера услуг (социальные услуги);
- квартиль региона проживания в 2020 г. по ВРП на душу населения;
- балл TIMSS по математике;
- наличие детей на момент окончания колледжа: есть дети — 1; нет детей — 0.

В методологии работы имеется ограничение. Чтобы получить достоверный ответ на второй исследовательский вопрос о связи заработной платы с образовательной траекторией выпускников, важно учитывать ненаблюдаемые характеристики, влияющие на включение человека в тот или иной образовательный путь и потенциальную отдачу от образования [Rzerka 2018]. К ним относятся, в частности, мотивация студента, его социальный капитал и другие личностные и когнитивные качества [Травкин 2014]. В используемой регрессионной модели такие характеристики не контролируются, что может привести к некоторому смещению оценки.

Результаты исследования

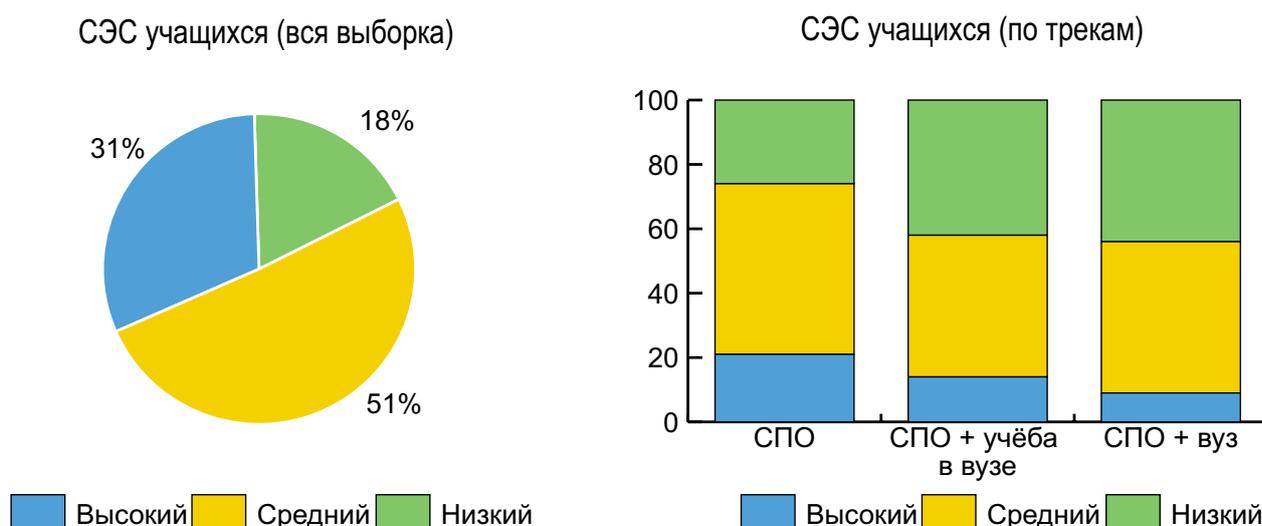
Социально-демографические и индивидуальные характеристики выпускников учреждений СПО и участников транзитной образовательной траектории

Растущую популярность сектора СПО среди российских абитуриентов многие исследователи объясняют сознательным выбором транзитной траектории как «обходного манёвра» и менее рискованного способа получить высшее образование, избежав ЕГЭ [Беляков, Клячко, Полушкина 2018; Константиновский, Попова 2018]. Данные ТрОП демонстрируют, что это объяснение верно лишь отчасти. Треть выпускников колледжей совершили прогрессию в высшее образование, однако реальное количество поступивших в вуз и окончивших его выпускников колледжей существенно меньше, чем остановившихся на получении СПО и вышедших на рынок труда (см. рис. 1). По данным лонгитюдного исследования ТрОП, к 2020 г. 66% учившихся в колледже респондентов окончили учреждения СПО и больше нигде не учились; 20,3% получили СПО и в настоящее время учатся в вузе; 13,7% окончили вуз после колледжа.

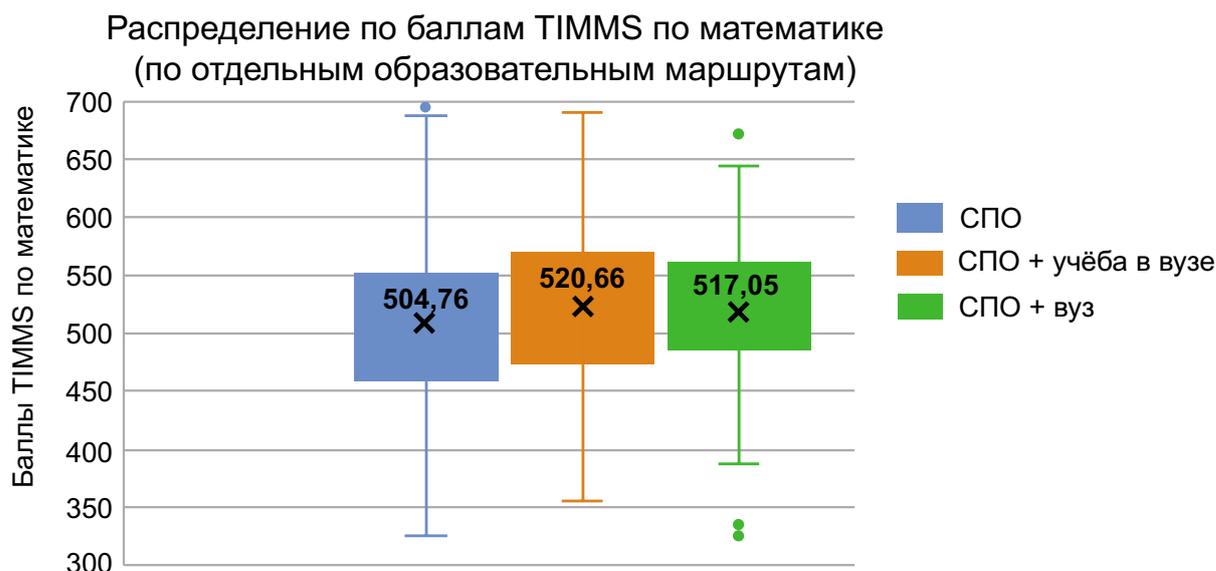

Рис. 1. Распределение по образовательным маршрутам после колледжа в 2020 г. ($n = 828$)

В нашей выборке 18% выпускников колледжей из семей с низким СЭС (оба родителя без профессионального образования); 51,1% из семей со средним профессиональным (как минимум один из родителей имеет СПО или НПО); 30,9% учащихся из семей с высоким СЭС (как минимум один из родителей получил высшее образование). При этом среди поступивших в вузы существенно ниже количество семей с низким социально-экономическим положением (см. рис. 2). Известно, что СПО в целом выбирают наименее благополучные в социально-экономическом отношении абитуриенты [Александров, Тенишева, Савельева 2015; Константиновский, Попова 2018], однако и среди студентов учреждений СПО тоже существуют различия по уровню СЭС. Среди участников транзитной траектории больше студентов из ресурсных семей. Это даёт возможность говорить о справедливости теории избегания риска, согласно которой транзитной траектории часто отдают предпочтение школьники с высоким СЭС (по сравнению с выпускниками «базовой» траектории, окончившими только СПО) как менее рисковому пути поступления в вуз [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018]. Академические достижения у «транзитных» студентов также выше, чем у окончивших только учебные заведения СПО, так как среднее значение балла TIMSS по математике у вошедших в транзитную траекторию составляет 520,66 у продолжающих транзит и 517,05 у завершивших его, в то время как выпускники «базовой» траектории в среднем получили 504,76 балла на TIMSS по математике (см. рис. 3).

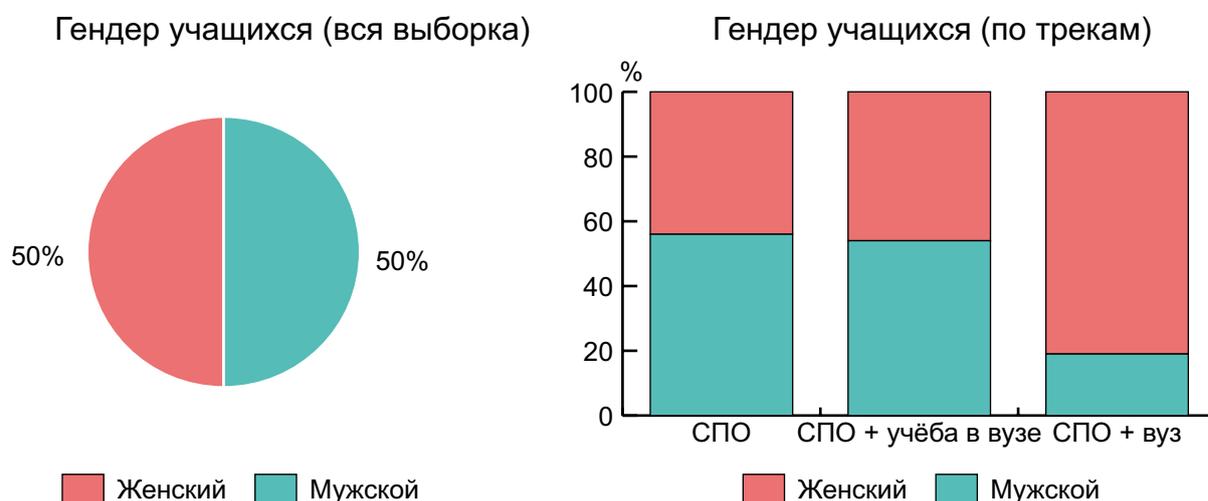

Рис. 2. Распределение по социально-экономическому статусу учащихся по образовательным маршрутам и по выборке в целом ($n = 828$)

Рис. 3. Распределение по баллам TIMSS по математике по отдельным образовательным маршрутам

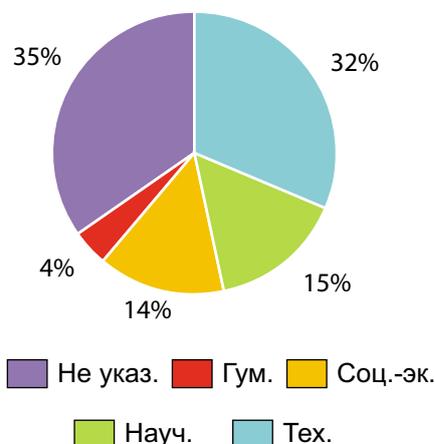
Количество юношей и девушек среди учившихся в колледже респондентов ТрОП почти одинаково с небольшим перевесом в сторону девушек: 50,6% составляют респонденты женского пола и 49,4% — мужского. При этом среди окончивших вуз после колледжа респондентов подавляющее большинство — женщины (см. рис. 4). Это согласуется с результатами исследований о гендерных различиях в высшем образовании. В России количество получивших высшее образование женщин превышает количество мужчин с высшим образованием, то есть женщины в целом гораздо чаще мужчин оканчивают вуз [Кирюшина, Рудаков 2021].

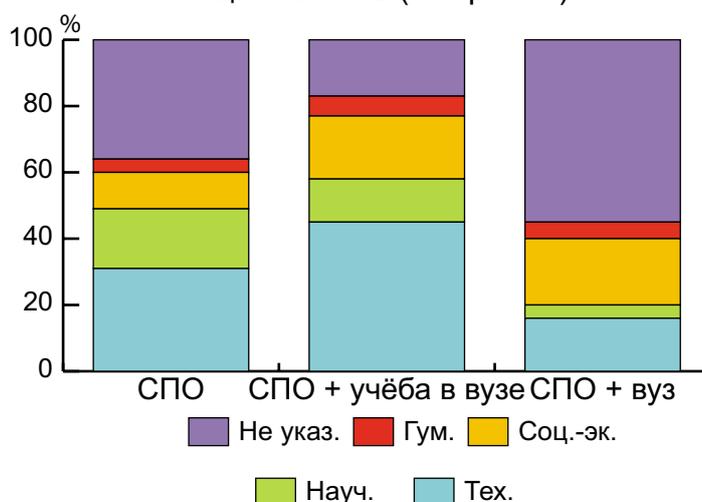
Рис. 4. Распределение по полу в целом по выборке и по отдельным образовательным траекториям ($n = 828$)

Что касается направлений подготовки СПО, наибольшей популярностью обладают технические специальности (см. рис. 5) — 31,8% респондентов; 14,9% опрошенных выбрали естественно-научную специальность; 14,5% — социально-экономическую; 4% — гуманитарную; 34,8% респондентов из всей выборки не указали специальность СПО.

Специальность (вся выборка)

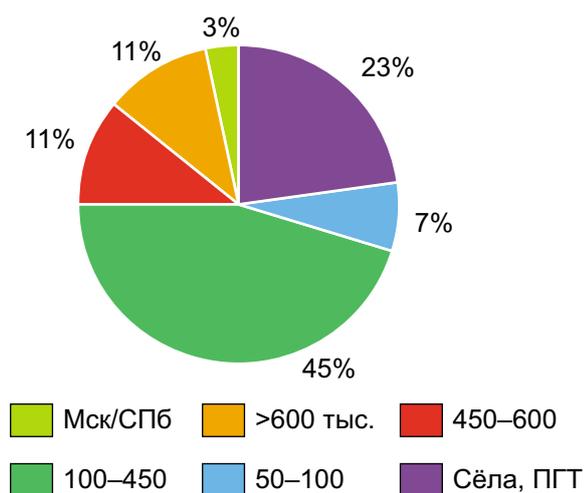
Специальность (по трекам)

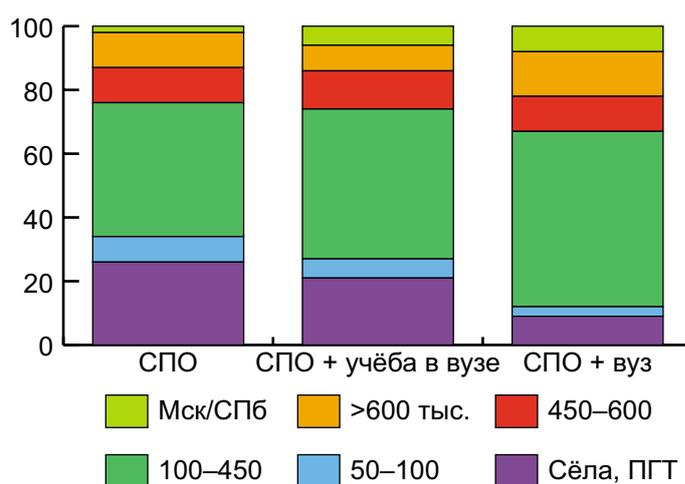
Рис. 5. Распределение по специальностям СПО по выборке в целом и по отдельным образовательным траекториям ($n = 828$)

Что касается региона проживания учащегося во время обучения в школе, 22,5% респондентов жили в селе или в посёлке городского типа; 7,2% — в небольшом городе с населением 50–100 тыс. человек; большинство опрошенных — в среднем по размеру городе с населением 100–450 тыс. человек (44,9%); 11,1% — в городе с населением 450–680 тыс. человек; 11,2% — в ещё более крупном городе; 3,1% — в Москве или Санкт-Петербурге. При этом среди завершивших транзитную траекторию почти в три раза больше студентов из Москвы и Санкт-Петербурга (см. рис. 6), и очень мало жителей сёл и поселков городского типа. Различия в количестве и качестве университетов в регионе проживания улучшают или ухудшают возможности респондента в том или ином типе населённых пунктов получить более высокий уровень образования, в нашем случае — поступить в вуз и окончить его.

Регион проживания в школе (вся выборка)

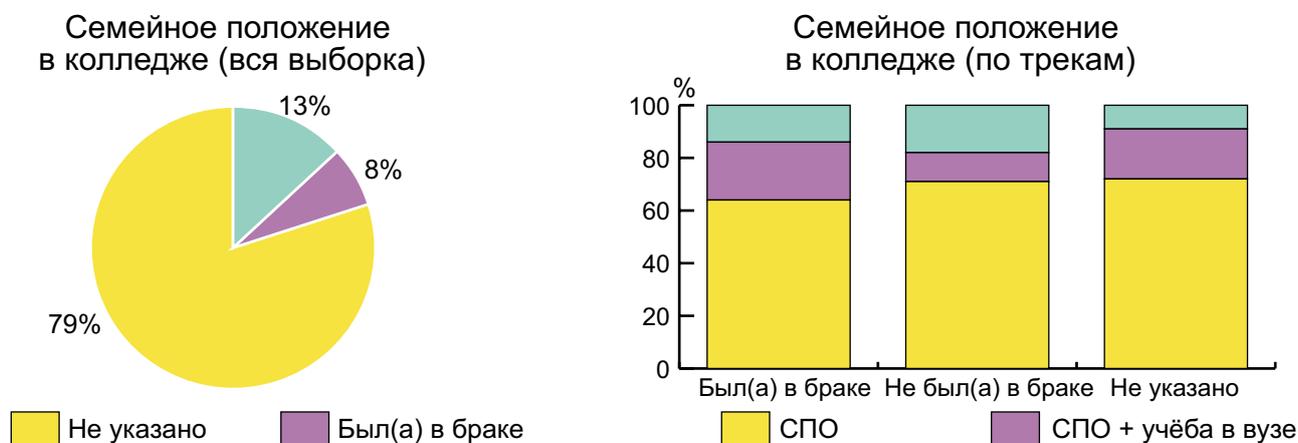
Регион проживания в школе (по трекам)

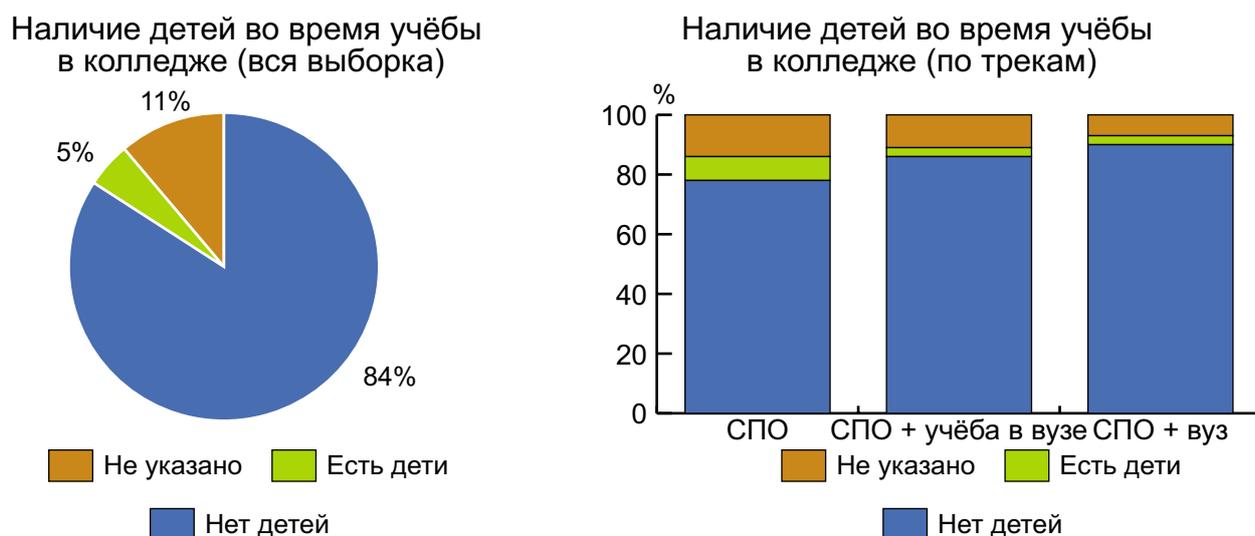
Рис. 6. Распределение по регионам проживания в школе по выборке в целом и по отдельным образовательным траекториям ($n = 828$)

На момент окончания колледжа 8% респондентов состояли в браке или были разведены (см. рис. 7), а также 4,8% респондентов имели детей. При этом большая часть респондентов, имеющих детей, концентрируется среди выпускников базовой траектории (см. рис. 8), окончивших только учреждения

СПО, что можно связать с более ранним выходом на рынок труда [Рощин 2006] и «ранним взрослением». Более подробная информация о выборке представлена в приложении (см. табл. П.1).

Рис. 7. Распределение по семейному положению по выборке в целом и по отдельным образовательным траекториям ($n = 828$)

Рис. 8. Распределение по наличию детей по выборке в целом и по отдельным образовательным траекториям ($n = 828$)

Вероятность включения в транзитную траекторию к 24 годам: результаты регрессионного анализа

Социально-экономический статус и успеваемость выпускника колледжа являются предикторами входа в транзитную образовательную траекторию. Однако вход в данный маршрут в большей степени зависит от СЭС респондента, так как при добавлении в модель этой переменной успеваемость перестаёт быть значимой (см. табл. 1). Высокий СЭС является сильным предиктором обеих транзитных траекторий — в случае как уже совершенного транзита сразу после окончания колледжа, так и транзита с перерывом после получения диплома о СПО. Высокий СЭС при контроле на остальные переменные повышает шансы на транзит в вуз сразу после колледжа в 2,5 раза, а на транзит спустя некоторое время — в 2,1 раза.

Таблица 1

**Вероятность включения в транзитную траекторию к 24 годам:
результаты регрессионного анализа (отношение шансов)**

Переменная	Отложенный транзит (СПО + учёба в вузе) (база: только СПО)			Завершённый транзит (СПО + высшее образование) (база: только СПО)		
	М 1 (СЭС)	М 2 (успеваемость)	М 3 (СЭС + успеваемость)	М 1 (СЭС)	М 2 (успеваемость)	М 3 (СЭС + успеваемость)
Низкий СЭС (база: средний)	0,952 (0,269)		0,958 (0,269)	0,694 (0,364)		0,703 (0,365)
Высокий СЭС (база: средний)	2,128*** (0,206)		2,059*** (0,207)	2,643*** (0,252)		2,548*** (0,254)
Балл TIMSS по математике		1,003* (0,001)	1,002 (0,001)		1,003* (0,002)	1,002 (0,002)
Женский пол (база: мужской)	1,238 (0,215)	1,168 (0,212)	1,253 (0,215)	7,344*** (0,288)	6,548*** (0,282)	7,404*** (0,289)
Естественно-научная специ- альность	0,407*** (0,306)	0,430*** (0,303)	0,397*** (0,307)	0,158*** (0,546)	0,178*** (0,539)	0,155*** (0,546)
Социально-экономическая специальность	1,026 (0,296)	1,068 (0,292)	1,023 (0,296)	1,066 (0,374)	1,118 (0,369)	1,071 (0,374)
Гуманитарная специальность СПО (база: техническая)	0,953 (0,450)	1,086 (0,445)	0,947 (0,451)	0,584 (0,596)	0,683 (0,589)	0,578 (0,598)
Не указана специальность	0,343*** (0,249)	0,357*** (0,247)	0,348*** (0,249)	1,746* (0,300)	1,745* (0,296)	1,774* (0,301)
Сёла и посёлки городского типа (ПГТ)	0,753 (0,240)	0,723 (0,238)	0,754 (0,241)	0,427** (0,354)	0,384*** (0,348)	0,427** (0,354)
Население: 50–100 тыс. чел.	0,601 (0,397)	0,515* (0,398)	0,570 (0,400)	0,181** (0,765)	0,174** (0,754)	0,174** (0,768)
450–680 тыс. чел.	0,970 (0,295)	1,005 (0,293)	0,979 (0,296)	0,763 (0,377)	0,745 (0,374)	0,755 (0,379)
Более 680 тыс. чел.	0,478** (0,345)	0,540* (0,340)	0,483** (0,347)	1,093 (0,339)	1,239 (0,334)	1,128 (0,340)
Регион проживания во время учёбы в школе Москва или Санкт-Петербург (база: 100– 450 тыс. чел.)	3,550** (0,525)	3,252** (0,523)	3,288** (0,529)	5,106*** (0,585)	4,837*** (0,571)	4,702*** (0,589)
Есть дети (база: нет детей)	0,264** (0,630)	0,282** (0,625)	0,279** (0,631)	0,299* (0,664)	0,309** (0,646)	0,311* (0,665)
Не указано наличие детей	1,051 (0,296)	1,056 (0,294)	1,079 (0,631)	0,576 (0,426)	0,581 (0,424)	0,591 (0,426)
Константа	0,405*** (0,216)	0,137*** (0,735)	0,146** (0,747)	0,056*** (0,350)	0,016*** (0,932)	0,019*** (0,949)
<i>Akaike Inf. Crit.</i>	1306,860	1326,111	1307,933	1306,860	1326,111	1307,933
<i>PseudoR2</i> (<i>McFadden</i>)	0,1390212	0,1229658	0,1410422	0,1390212	0,1229658	0,1410422
<i>PseudoR2</i> (<i>Nagelkerke</i>)	0,2612982	0,2342636	0,2646478	0,2612982	0,2342636	0,2646478
<i>Log Likelihood</i>	– 623,4299 (<i>df</i> = 30)	– 635,0556 (<i>df</i> = 28)	– 621,9665 (<i>df</i> = 32)	– 623,4299 (<i>df</i> = 30)	– 635,0556 (<i>df</i> = 28)	– 621,9665 (<i>df</i> = 32)
<i>Количество наблюдений</i>	828					

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В скобках указана стандартная ошибка.

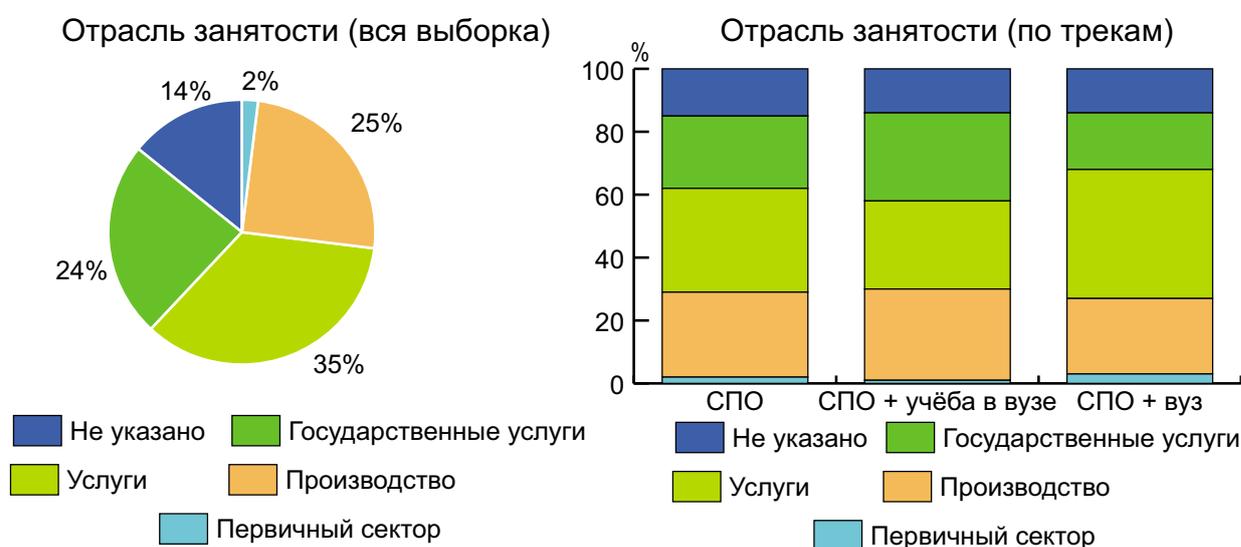
Значимая связь между гендером человека и его образовательной траекторией появляется только в случае завершённого транзита. Это означает, что девушки чаще реализуют непрерывный трек «колледж — вуз» и совершают транзит сразу после получения СПО, тогда как юноши поступают в вуз спустя какое-то время, что среди прочего может быть вызвано перерывом на службу в армии после окончания колледжа. В России в целом количество получивших высшее образование женщин превышает количество мужчин с высшим образованием, что отчасти связано также с тем, что мужчины гораздо чаще бросают обучение в вузе [Горбунова, Кондратьева 2013]. Посвящённые причинам данного гендерного разрыва в охвате высшим образованием исследования показывают, что ключевыми факторами являются более высокая успеваемость у девушек [Баскакова 2005] и склонность к выбору определённых специальностей для изучения [Лебедева, Вилкова 2022].

У студентов из сёл и ПГТ меньше шансов учиться в вузе после колледжа, чем у студентов из средних по размеру городов. Статистически значимая связь вероятности попадания в транзитную траекторию и её завершения с типом населённого пункта, в котором проживает респондент, свидетельствует о том, что регион проживания является квазииндикатором социально-экономического статуса человека, а также предиктором его образовательно-карьерной траектории. Тип региона обуславливает количество и качество университетов в непосредственной близости от места жительства абитуриента и тем самым расширяет его возможности для выбора программы высшего образования и поступления в вуз [Малиновский, Шибанова 2020].

Таким образом, социально-экономическое положение родителей учащегося существенно дифференцирует образовательные траектории, так как среди поступивших в вуз после окончания колледжа гораздо больше выходцев из семей с более высоким СЭС, чем среди получивших только СПО.

Положение на рынке труда выпускников учреждений СПО и участников транзитной образовательной траектории

Большинство участников исследования (35%) трудоустроено в сфере услуг, включающей торговлю, потребительский сектор, технологичные, креативные услуги. В нашей выборке 2% респондентов работают в сфере первичного сектора (см. рис. 9) — лесного или сельского хозяйства; 24,7% в промышленности; 24,3% в сфере социальных услуг и государственном секторе. В целом выборка является репрезентативной, так как структура занятости в ней совпадает с общей структурой занятости в России среди выпускников учреждений СПО [Дудырев, Романова, Травкин 2019].

Рис. 9. Распределение по отраслям занятости по выборке в целом и по отдельным образовательным траекториям ($n = 938$)

Среднее значение среднемесячного трудового дохода респондентов в 2020 г. составляет 36 380 руб. (см. рис. 10). При этом у завершивших транзитную траекторию выпускников средняя заработная плата меньше, чем у продолжающих обучение в вузе, так как эти последние находились на рынке труда дольше за счёт перерыва в обучении между колледжем и вузом.

Опыт работы участников исследования, который включает период совмещения учёбы и работы, варьируется от 0 до 8 лет со средним значением 4,79 года. При этом средняя длительность стажа работы среди окончивших учреждение СПО — около 6 лет, в то время как вступившие в транзитную траекторию студенты работают в среднем 3,5–4 года. Это объясняется тем, что после выпуска из учреждения СПО представители базовой траектории сразу вышли на рынок труда, а поступившие в вуз были вынуждены отложить переход к работе. Более подробная информация о выборке, использовавшейся для данного исследовательского вопроса, представлена в приложении (см. табл. П.2).

Распределение среднемесячного трудового дохода по трекам

Примечание: Для большей наглядности график был построен без выбросов.

Рис. 10. Распределение среднемесячного трудового дохода по отдельным образовательным траекториям

Связь транзитной траектории «колледж — вуз» с результатами на рынке труда относительно базовой траектории («колледж — рынок труда»)

При прочих равных, с повышением длительности стажа работы на одно стандартное отклонение логарифм заработной платы в 2020 г. увеличивается на 1,4 стандартного отклонения (см. табл. 2). Длительность стажа работы статистически значимо связана с уровнем среднемесячного трудового дохода всех выпускников учреждений СПО, однако между окончанием вуза после колледжа и заработной платой к 24 годам значимой связи не обнаружено. Накопленный специфический человеческий капитал (то есть опыт работы) даёт ощутимую отдачу на заработную плату, однако более высокий уровень общего человеческого капитала (то есть окончание вуза после колледжа, завершённая транзитная траектория) к 25 годам пока не создаёт такую отдачу. Но тем не менее говорить о бесполезности перехода из колледжа в вуз преждевременно, так как участники транзитной траектории на момент проведения 9-й волны ТрОП находились на рынке труда в качестве выпускника вуза, а не только колледжа, очень короткое время.

При прочих равных, логарифм заработной платы в 2020 г. у мужчин выше, чем у женщин, на 1,7 стандартного отклонения. Это говорит о неоднократно обсуждаемом в научном сообществе и характерном для России гендерном неравенстве в заработной плате. Исследования на данных нашей страны показывают, что при одинаковом уровне образования и опыте работы труд женщин оплачивается примерно

в размере 70% от средней заработной платы мужчин в случае выпускниц программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих. Выпускницы программ подготовки специалистов среднего звена получают 80% от зарплаты юношей с таким же образованием [Анисимова et al. 2023].

Таблица 2

Отдача от транзитной образовательной траектории на заработные платы выпускников (база: траектория «колледж — рынок труда»)

Независимые переменные	Зависимая переменная Логарифм среднемесячного трудового дохода в 2020 г.		
	М 1 (Образование + стаж)	М 2 (Образование + стаж + пол + дети)	М 3 (Образование + стаж + пол + дети + балл TIMSS по математике + регион + отрасль)
Законченное СПО и высшее образование в 2020 г. (база: только СПО)	0,898 (0,097)	1,080 (0,094)	1,013 (0,090)
Опыт работы	1,354*** (0,095)	1,319*** (0,090)	1,239** (0,088)
Квадрат опыта работы	0,984* (0,010)	0,987 (0,009)	0,991 (0,009)
Мужской пол (база: женский)		1,780*** (0,063)	1,714*** (0,064)
Наличие детей (база: нет детей)		0,730*** (0,074)	0,778*** (0,071)
Не указано наличие детей (база: нет детей)		0,605 (0,330)	0,666 (0,316)
Балл TIMSS по математике			1,000 (0,0004)
Отрасль занятости Первичный сектор (база: сфера услуг)			0,939 (0,216)
Отрасль занятости Промышленность (база: сфера услуг)			0,992 (0,079)
Отрасль занятости Сфера услуг. Госсектор (база: сфера услуг)			0,787*** (0,079)
Отрасль занятости Не указано (база: сфера услуг)			0,680*** (0,094)
Регион проживания в 2020 г. ВРП региона проживания: 1-й квартиль (база: 2-й квартиль)			0,940 (0,077)
Регион проживания в 2020 г. ВРП региона проживания: 3-й квартиль (база: 2-й квартиль)			0,934 (0,090)
Регион проживания в 2020 г. ВРП региона проживания: 4-й квартиль, самый высокий ВРП (база: 2-й квартиль)			1,693*** (0,076)
Константа	0,359*** (0,226)	0,288*** (0,218)	0,299*** (0,303)
R2	0,052	0,159	0,245
Adjusted R2	0,048	0,154	0,233
Residual Std. Error	0,982 (df= 934)	0,926 (df= 931)	0,881 (df= 923)
F-статистика	16,913*** (df= 3; 934)	29,377*** (df= 6; 931)	21,360*** (df= 14; 923)
Количество наблюдений <		938	

Примечание: *p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01. В скобках указаны стандартные ошибки.

При прочих равных, у проживающих в регионах с самым высоким ВРП (4-й квартиль) логарифм заработной платы в 2020 г. выше на 1,7 стандартного отклонения, чем у проживающих в регионе с более низким ВРП (2-й квартиль). Статистически значимая связь логарифма среднемесячного трудового дохода с типом населённого пункта, в котором проживает респондент, свидетельствует о том, что регион проживания является квазииндикатором социально-экономического статуса человека, а также пред-

котором его образовательно-карьерной траектории, так как для регионов России характерна значительная дифференциация по уровню занятости и средней заработной плате.

По мере включения в регрессионную модель контрольных переменных значимость опыта работы снижалась, но он оставался статистически значимым. Это говорит о значимой роли в формировании уровня среднемесячного трудового дохода иных факторов (например, пола, региона, отрасли занятости и семейного положения человека). Характерное для российского общества гендерное неравенство в заработной плате и существенные различия в валовом региональном продукте, уровне занятости и средней заработной платы различных регионов России неизбежно будут влиять на заработную плату человека, вне зависимости от его образовательно-карьерной траектории.

Выводы и обсуждение результатов

Роль транзитного маршрута «колледж — вуз» представляется амбивалентной в дискуссии о неравенстве в образовании. С одной стороны, данный трек может служить инструментом социальной мобильности для менее ресурсных девятиклассников, поступающих в учреждения СПО. С другой стороны, транзит «колледж — вуз» могут выбирать, наоборот, школьники с более высоким СЭС, но низкой успеваемостью [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018]. Для них транзитный маршрут выполняет функцию обходного манёвра, так как такие абитуриенты рискуют потерпеть неудачу на ЕГЭ и решают поступать в вуз после колледжа по менее селективным условиям. Наше исследование показало, что более справедливой является эта последняя интерпретация роли транзита в России, так как вход в эту траекторию сильно связан с социально-экономическим статусом человека. Академические способности, разумеется, тоже важны для успешного перехода из колледжа в вуз, но в сравнении с СЭС семьи их значимость сильно снижается. В модели, где СЭС ещё не был учтён, успеваемость была значима, что говорит о разнице в академических достижениях у студентов, вошедших в транзит и остановившихся только на СПО. Но в итоговой модели, где учитываются и СЭС, и успеваемость, академические достижения перестали быть значимыми для входа в транзитную траекторию. Таким образом, именно СЭС лежит в основе выявленных различий по успеваемости, то есть при переходе из колледжа в вуз действуют первичные эффекты неравенства в образовании [Хавенсон, Чиркина 2019].

Иными словами, вопреки представлению о транзите «колледж — вуз» как о нивелирующем образовательное неравенство, успешность входа в данный трек всё же подвержена влиянию СЭС студента и является индикатором образовательного неравенства. На материале многих стран также были обнаружены более низкие шансы на включение в транзитный маршрут у студентов из менее ресурсных семей и имеющих детей [Dougherty, Kienzl 2006], что согласуется с нашими результатами на примере российских студентов. Таким образом, образовательный маршрут «9 классов — колледж — вуз» является не каналом социальной мобильности для выпускников СПО, а, скорее, инструментом воспроизводства статусных позиций и способом избегания риска движения вниз в социальной иерархии. Помимо социального неравенства для образовательных траекторий в России характерно и гендерное [Кирюшина, Рудаков 2021]. Транзитный маршрут не исключение, так как женщины с большей вероятностью поступают в вуз после колледжа, но при этом зарабатывают меньше мужчин.

Что касается экономической отдачи от транзитной траектории, то зарплатную премию выпускнику учреждений СПО к 24 годам обеспечивает не совершённый транзит в высшее образование, а опыт работы. Значит ли это, что высшее образование после получения СПО бесполезно и не способствует повышению дохода? На данный момент однозначный ответ на этот вопрос кажется преждевременным, так как после окончания вуза и завершения транзита участники исследования находились на рынке труда очень непродолжительное время. На момент проведения 9-й волны ТрОП им было 24–25 лет, а согласно исследованиям, пик заработной платы в России наступает в 30–35 лет [Гимпельсон 2019]. Таким

образом, попавшие в выборку ТрОП выпускники транзитного маршрута не успевали воспользоваться накопленным общим человеческим капиталом. Исследовать отдачу от их образования гораздо целесообразнее на данных последующих волн ТрОП, по достижении респондентами зарплатного пика. В частности, большинство зарубежных работ об успешности образовательных траекторий выполнены на материале более длинных лонгитудов, участникам которых уже исполнилось 30–40 лет, и они завершили формальное образование и приближаются к зарплатному пику [Kim, Klager, Schneider 2019].

В данном исследовании не контролировалось, меняли ли «транзитные» студенты направление подготовки при переходе из колледжа в вуз. Большинство поступивших в вуз выпускников учреждений СПО — 70% выпускников ППССЗ и 50% выпускников программ подготовки квалифицированных рабочих и служащих (ППКРС) — продолжают обучение по тому же направлению подготовки, на котором они учились и в колледже [Анисимова et al. 2023]. В таком случае происходит накопление более высокого человеческого капитала, а при смене специальности студент вынужден почти с нуля инвестировать в новый специфический человеческий капитал, фактически обнуляя тот, что был накоплен за время учёбы в колледже и работы. Следовательно, смена специальности при переходе из колледжа в вуз может отразиться на отдаче от транзитной образовательной траектории.

У российских студентов учреждений СПО естественно-научных направлений подготовки меньше шансов поступить в вуз, что противоречит результатам зарубежных исследований. «Транзитные» студенты в Великобритании чаще продолжают учёбу в вузе по своему направлению СПО с целью накопить человеческий капитал более высокого уровня [Dunbar-Goddet, Ertl 2007; Vidal Rodeiro, Sutch, Zanini 2015]. У британских абитуриентов со средним профессиональным образованием прикладные специальности (например, естественно-научные, творческие специальности, бизнес и менеджмент, математические, педагогические и медицинские направления), наоборот, являются самыми популярными.

Примечательно, что в зарубежных странах аналоги СПО воспринимаются как источники ликвидации различного рода неравенства в образовании и расширения возможностей доступа к высшему образованию для недопредставленных в нём групп населения [Ertl, Hayward, McLaughlin 2012]. Исследователи нередко делают вывод о нереализованном потенциале колледжей как способа ликвидации гендерной и расовой сегрегации в различных сферах занятости ввиду того, что сегрегация наблюдается и на уровне выбора специальности СПО [Noy, Zeidenberg 2017]. В результате в зарубежных странах обеспечение эффективного перехода от среднего профессионального образования к высшему всё чаще становится целью государственных стратегий в образовательной политике [Hodgson, Spours 2010], а в университетах разрабатываются учебные программы и процедуры приёма, учитывающие потребности абитуриентов, поступающих после колледжа в высшие учебные заведения [Vidal Rodeiro, Sutch, Zanini 2015]. В России же не наблюдается такое отношение к колледжам в образовательной политике, а транзитная траектория очень мало освещается и представляет интерес лишь для исследователей образования, притом что треть студентов вузов составляют «транзитные» студенты. Несмотря на невнимание в образовательной государственной политике к транзиту из колледжа в вуз, университеты самостоятельно реализуют собственную политику, благоприятствующую транзиту и привлечению выпускников колледжей на программы высшего образования [Анисимова et al. 2023]. Устройство таких программ и вклад усилий университетов в популярность транзита «колледж — вуз» может стать предметом дальнейших исследований.

Результаты данного исследования могут быть полезны для политики в сфере образования и трудоустройства молодёжи, концентрации внимания на выравнивании неравенства и повышении доступности высшего образования. Помимо этого, они могут заинтересовать широкий круг читателей в сообществе колледжей, самих выпускников и студентов учреждений СПО. Результаты данного исследования помогут осознать многообразие открытых для выпускников колледжей возможностей построения образовательно-карьерных траекторий и связанные с этим потенциальные трудности.

Приложение

Таблица П.1

Характеристика выборки выпускников учреждений СПО с разными образовательными траекториями к 24 годам (n = 828)

Тип траектории / Характеристика	Трек 1. Только СПО	Трек 2. Продолжающийся транзит (СПО + учёба в вузе)	Трек 3. Завершённый транзит (СПО + высшее образование)	Все выпускники учреждений СПО
Социально-экономический статус				
Низкий (оба родителя без профессионального образования)	20,8%	14,2%	10,4%	18%
Средний (хотя бы один родитель имеет НПО и (или) СПО)	54,2%	45%	45,2%	51,1%
Высокий (хотя бы один родитель с высшим образованием)	25%	40,8%	44,4%	30,9%
Пол				
Мужской	55,1%	52,1%	18,3%	49,4%
Женский	44,9%	47,9%	81,7%	50,6%
Специальность СПО				
Техническая	30,7%	43,8%	19,1%	31,8%
Естественно-научная	18%	12,4%	4,3%	14,9%
Социально-экономическая	11,6%	19,5%	20,9%	14,5%
Гуманитарная	3,3%	5,9%	4,3%	4%
Не указано	36,4%	18,4%	51,4%	34,8%
Регион проживания во время учёбы в школе				
Сёла и посёлки городского типа (ПГТ)	25,7%	20,1%	10,4%	22,5%
Город с населением 50–100 тыс. чел.	9%	5,3%	1,7%	7,2%
Город с населением 100–450 тыс. чел.	41,9%	47,9%	53,9%	44,9%
Город с населением 450–680 тыс. чел.	10,7%	13,1%	10,4%	11,1%
Город с населением более 680 тыс. чел.	11,4%	7,7%	15,7%	11,2%
Москва и Санкт-Петербург	1,3%	5,9%	79%	3,1%
Наличие детей на момент окончания колледжа				
Нет детей	81,6%	87%	90,4%	83,9%
Есть дети	6,3%	1,8%	2,6%	4,8%
Не указано	12,1%	11,2%	7%	11,3%
Количество наблюдений	544	169	115	828

Таблица П.2

Характеристика выборки выпускников учреждений СПО с разными образовательными траекториями к 24 годам для оценки различий в заработной плате ($n = 938$)

Тип траектории	Образование в 2020 г.	Трек 1. Только СПО	Трек 2. Отложенный транзит (СПО + учёба в вузе)	Трек 3. Завершённый транзит (СПО + высшее образование)	Все выпускники учреждений СПО
Пол					
Мужской		57,8%	56,9%	24,6%	53,4%
Женский		42,2%	43,1%	75,4%	46,6%
Отрасль занятости					
Первичный сектор		2,2%	0,5%	2,5%	1,9%
Промышленность		26,6%	29,4%	24,6%	27%
Сфера услуг (без социальных услуг и государственного сектора)		32,6%	28,4%	41,5%	32,8%
Сфера услуг (государственный сектор)		23,8%	27,4%	17,8%	23,8%
Не указано		14,8%	14,3%	13,6%	14,5%
Наличие детей в 2020 г.					
Нет детей		73,4%	87,8%	78%	77%
Есть дети		25,8%	11,2%	21,2%	22,2%
Не указано		0,8%	1%	0,8%	0,8%
Регион проживания в 2020 г.					
Низкий ВРП на душу (1-й квартиль)		23,8%	21,8%	33%	24,5%
Низкий ВРП на душу (2-й квартиль)		36,8%	33,5%	26,3%	34,8%
Высокий ВРП на душу (3-й квартиль)		16,7%	12,2%	10,2%	14,9%
Высокий ВРП на душу (4-й квартиль)		22,7%	32,5%	30,5%	25,8%
<i>Количество наблюдений</i>		<i>623</i>	<i>197</i>	<i>118</i>	<i>938</i>

Литература

Адамович К. А. 2022. Образовательные траектории российских учащихся после 9-го класса в 2000–2017 гг.: типы региональных ситуаций и предикторы различий. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 116–142.

Александров Д. А., Тенишева К. А., Савельева С. С. 2015. Мобильность без рисков: образовательный путь «в университет через колледж». *Вопросы образования*. 3: 66–91.

Анисимова К. В. et al. 2023. *Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда*. Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (науч. ред. С. Ю. Рощин). Москва, 2023 г. М.: Изд. дом ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/828579561.pdf>

Баскакова М. Е. 2005. Мужчины и женщины в системе образования. *Вопросы образования*. 1: 276–303.

Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. 2018. *Среднее профессиональное образование. Состояние и прогноз развития*. М.: Дело.

- Бессуднов А. Р., Малик В. М. 2016. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы. *Вопросы образования*. 1: 135–167.
- Богданов М. Б., Малик В. М. 2020. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 391–421.
- Бондаренко Н. В. et al. 2023. *Индикаторы образования: 2023*. Статистический сборник. Вып. 12. М.: НИУ ВШЭ.
- Гимпельсон В. Е. 2019. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 23 (2): 185–237.
- Горбунова Е. В., Кондратьева О. С. 2013. Анализ гендерных различий в выбытии из вуза российских и американских студентов программ бакалавриата. *Universitas*. 1 (3): 48–69.
- Дудырев Ф. Ф. et al. 2022a. Переход «учёба — работа» студентов и выпускников программ среднего профессионального образования: информационный бюллетень. *Мониторинг экономики образования*. 3 (20). М.: НИУ ВШЭ.
- Дудырев Ф. Ф. et al. 2022b. *Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала: аналитический доклад*. М.: НИУ ВШЭ.
- Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Травкин П. В. 2019. Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: всё ещё омут или уже брод? *Вопросы образования*. 1: 109–136.
- Кирюшина М. А., Рудаков В. Н. 2021. Гендерные различия в заработной плате выпускников вузов и учреждений СПО на начальном этапе карьеры. *Вопросы образования*. 2: 172–198.
- Константиновский Д. Л. 2008. *Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х)*. М.: ЦСП.
- Константиновский Д. Л., Попова Е. С. 2018. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора. *Социологические исследования*. 3: 34–44.
- Лебедева Н. В., Вилкова К. А. 2022. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 115–135.
- Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. 2020. *Региональная дифференциация доступности высшего образования в России*. М.: НИУ ВШЭ.
- Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. 2022. *Образовательно-карьерные траектории выпускников российских вузов на материале лонгитюдного исследования*. М.: НИУ ВШЭ.
- Мальцева В. А., Шабалин А. И. 2021. Не-обходной манёвр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России. *Вопросы образования*. 2: 10–42.

- Ощепков А. Ю. 2006. *Гендерные различия в оплате труда в России*. Препринт WP/2006/08. Серия WP3: проблемы рынка труда. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Роцин С. Ю. 2006. *Переход «учёба — работа»: омут или брод?* Препринт WP3/2006/10. Серия WP3: проблемы рынка труда. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Травкин П. В. 2014. Оценка отдачи от дополнительного профессионального обучения российских работников: учёт влияния способностей на заработную плату. *Прикладная эконометрика*. 33 (1): 51–70.
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. 2019. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи. *Журнал исследований социальной политики*. 17 (4): 539–554.
- Bahr P. R. et al. 2017. Unrealized Potential: Community College Pathways to STEM Baccalaureate Degrees. *The Journal of Higher Education*. 88 (3): 430–478.
- Becker G. S. 1962. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. 70 (5. Part 2): 9–49.
- Boudon R. 1974. *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. New York: John Wiley & Sons.
- Boylan R. L. 2020. Predicting Postsecondary Pathways: The Effect of Social Background and Academic Factors on Routes through School. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. 6: art. 237802311989517. doi:10.1177/2378023119895174
- Breen R., Goldthorpe J. H. 1997. Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*. 9 (3): 275–305.
- Breen R., Werfhorst H. G. van de, Jæger M. M. 2014. Deciding under Doubt: A Theory of Risk Aversion, Time Discounting Preferences, and Educational Decision-making. *European Sociological Review*. 30 (2): 258–270.
- Carter J. 2009. *Progression from Vocational and Applied Learning to Higher Education in England*. Bolton: University Vocational Awards Council.
- Connor H., Sinclair E., Banerji N. 2006. *Progressing to Higher Education: Vocational Qualifications and Admissions*. Ormskirk: Action on Access; Aimhigher.
- Dougherty K., Kienzl G. 2006. It's not Enough to Get through the Open Door: Inequalities by Social Background in Transfer from Community Colleges to Four-Year Colleges. *The Teachers College Record*. 108 (3): 452–487.
- Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. 2020. Student Employment and School-to-Work Transition: The Russian Case. *Education and Training*. 62 (4): 441–457.
- Dunbar-Goddet H., Ertl H. 2007. *Degrees of Success: Research on the Transition from Vocational Education and Training to Higher Education*. Working Papers of the 'Degrees of Success' Project. Oxford: Department of Education; University of Oxford.

- Dunbar-Goddet H., Ertl H. 2008. *Investigating the Learning Experience of HE Students with a Vocational Pathway: Findings from a Questionnaire Survey*. Working Papers of the 'Degrees of Success' Project. Oxford: Department of Education; University of Oxford.
- Erola J., Jalonen S., Lehti H. 2016. Parental Education, Class and Income over Early Life Course and Children's Achievement. *Research in Social Stratification and Mobility*. 44 (June): 33–43.
- Ertl H., Hayward G., McLaughlin J. 2012. The Transition from Vocational to Higher Education from the Perspective of Higher Education Admission Staff. In: Pilz M. (ed.) *The Future of Vocational Education and Training in a Changing World*. Harvard University. New York: Springer VS; 63–82.
- Furlong A. 2016. The Changing Landscape of Youth and Young Adulthood. In: Furlong A. (ed.) *Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood*. Abingdon: Routledge; 19–27.
- Hayward G., Hoelscher M. 2011. The Use of Large-Scale Administrative Data Sets to Monitor Progression from Vocational Education and Training into Higher Education in the UK: Possibilities and Methodological Challenges. *Research in Comparative and International Education*. 6 (3): 316–329.
- Hodgson A., Spours K. 2010. Vocational Qualifications and Progression to Higher Education: The Case of the 14–19 Diplomas in the English System. *Journal of Education and Work*. 23 (2): 95–110.
- Hoelscher M. et al. 2008. The Transition from Vocational Education and training to Higher Education: A Successful Pathway? *Research Papers in Education*. 23 (2): 139–151.
- Kalogrides D., Grodsky E. 2011. Something to Fall Back On: Community Colleges as a Safety Net. *Social Forces*. 89 (3): 853–877.
- Kim S., Klager C., Schneider B. 2019. The Effects of Alignment of Educational Expectations and Occupational Aspirations on Labor Market Outcomes: Evidence from NLSY79. *The Journal of Higher Education*. 90 (6): 992–1015.
- Milesi C. 2010. Do All Roads Lead to Rome? Effect of Educational Trajectories on Educational Transitions. *Research in Social Stratification and Mobility*. 28 (1): 23–44.
- Noy M., Zeidenberg M. 2017. Community College Pathways to the STEM Workforce: What Are They, Who Follows Them, and How? *New Directions for Community Colleges*. 2017 (178): 9–21.
- Puzić S., Šabić J., Odak I. 2022. Vocational School Students' Aspirations for Higher Education and Selected Social Background Characteristics. *Czech Sociological Review*. 57 (6): 661–682.
- Roshchin S., Rudakov V. 2017. Patterns of Student Employment in Russia. *Journal of Education and Work*. 30 (3): 314–338.
- Rzepka S. 2018. Labor Market Returns to College Education with Vocational Qualifications. *Education Economics*. 26 (4): 411–431.
- Schwartz S. 2004. *Fair Admissions to Higher Education: Recommendations for Good Practice*. Admissions to Higher Education Review. URL: <https://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/5284/1/finalreport.pdf>

- Spence M. A. 1973. Job Market Signaling. *Quarterly Journal of Economics*. 87 (3): 355–374.
- Triventi M. et al. 2016. Education as a Positional Good: Implications for Social Inequalities in Educational Attainment in Italy. *Research in Social Stratification and Mobility*. 43 (April): 39–52.
- Vidal R. C., Sutch T., Zanini N. 2015. Progressing to Higher Education in the UK: The Effect of Prior Learning on Institution and Field of Study. *Research Matters*. 20 (Summer): 13–21.
- Walther A., Plug W. 2006. Transitions from School to Work in Europe: Destandardization and Policy Trends. *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2006 (113): 77–90.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. 2018. Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. 91 (3): 224–241.

DEBUT STUDIES

Elizaveta Korotkikh

Educational and Career Trajectories of the Students Completed Vocational and Then College Degree

KOROTKIKH,

Elizaveta V. — Research Assistant, Centre for Vocational Education and Skills Development, Institute of Education, HSE University. Address: 11 Pokrovsky Bulvar, 109028 Moscow, Russian Federation.

Email: evkorotkikh@hse.ru

Abstract

This research is aimed at studying the transit trajectory of students' progress to higher education after achieving vocational qualification. The purpose of this study is to identify factors related to the choice of transit educational trajectory (socio-economic status, academic achievement, personal characteristics) and to assess the return of transit trajectory on the earnings of graduates. In this research, a transit educational route is classified into two types—completed transit (admitted to the university immediately after graduation from college) and continuing transit (admitted to the university some time after graduation). Data for the study were obtained during the national panel within the research project “Trajectories in education and occupation” (TrEC). Regression analysis is used as a method.

There is a significant correlation between the transit trajectory and the student's high socio-economic status (compared to those with only a TVET diploma) and school performance. However, the entry into transit is more dependent on socio-economic status, as the importance of learning outcomes is significantly reduced when this variable is added to the model. Thus, the transit educational route is not a channel of social mobility, but rather a tool of reproduction of high-status positions.

The work experience of a “transit” graduate gives a significant return on wages, but graduation from college by 24 years does not create such a return. Thus, in terms of human capital theory, recent “transit” college-college graduates have a more specific human capital return compared to those who completed their education and accumulated total human capital.

Keywords: transit educational trajectory; socio-economic status; academic achievement; social mobility; human capital; returns to education; regression analysis.

References

- Adamovich K. (2022) Obrazovatelnye traektorii rossiyskikh uchashchikhsya posle 9-go klassa v 2000–2017 gg. tipy regionalnykh situatsiy i prediktory [Educational Trajectories of Russian Students after the 9th Grade in 2000–2017: Types of Regional Situations and Their Predictors]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsialnyye peremeny*, no 3, pp. 116–142 (in Russian).
- Alexandrov D., Tenisheva K., Savelyeva S. (2015) Mobilnost bez riskov: obrazovatelnyy put “v universitet cherez kolledzh” [No-Risk Mobility: Through College to University]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 66–91 (in Russian).

- Anisimova K., Vladimirskaya A., Dudyrev F. et al. (2023) *Vypuskniki srednego professional'nogo obrazovaniya na rossiyskom rynke truda* [Graduates of Secondary Vocational Education in the Russian Labour Market]. Doklad k XXIV Yasin (April) mezhdunar. nauch. konph. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [A Report at the XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development] (ed. S. Roshchin), Moscow: HSE. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/828579561.pdf> (accessed 21 March 2024) (in Russian).
- Bahr P. R., Jackson G., McNaughtan J., Oster M., Gross J. (2017) Unrealized Potential: Community College Pathways to STEM Baccalaureate Degrees. *The Journal of Higher Education*, vol. 88, no 3, pp. 430–478.
- Baskakova M. (2010) Muzhchiny i zhenschiny v sisteme obrazovaniya [Men and Women in the Education System]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 276–303 (in Russian).
- Becker G. S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, vol. 70, no 5, part 2, pp. 9–49.
- Belyakov S., Klyachko T., Polushkina E. (2018) *Srednee professionalnoe obrazovanie. Sostoyanie i prognoz razvitiya* [Secondary Vocational Education. State and Forecast of Development], Moscow: Delo (in Russian).
- Bessudnov A., Malik V. (2016) Sotsial'no-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatel'noy traektorii posle okonchaniya 9-go klassa sredney shkoly [Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 135–167 (in Russian).
- Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Kak sochetayutsya sotsial'noe, territorial'noe i gendernoe neravenstva v obrazovatel'nykh traektoriyakh molodyozhi Rossii? [Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny*, no 3 (157), pp. 392–421 (in Russian).
- Bondarenko N. V., Varlamova T. A., Gokhberg L. M. (2023) *Indikatory obrazovaniya: 2023. Statisticheskii sbornik* [Education Indicators: 2023: Statistical Compilation], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*, New York: John Wiley & Sons.
- Boylan R. L. (2020) Predicting Postsecondary Pathways: The Effect of Social Background and Academic Factors on Routes through School. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 6, art. 237802311989517. doi:10.1177/2378023119895174
- Breen R., Goldthorpe J. H. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*, vol. 9, no 3, pp. 275–305.
- Breen R., Werfhorst H. G. van de, Jæger M. M. (2014) Deciding under Doubt: A Theory of Risk Aversion, Time Discounting Preferences, and Educational Decision-making. *European Sociological Review*, vol. 30, no 2, pp. 258–270.

- Carter J. (2009) *Progression from Vocational and Applied Learning to Higher Education in England*, Bolton: University Vocational Awards Council.
- Connor H., Sinclair E., Banerji N. (2006) *Progressing to Higher Education: Vocational Qualifications and Admissions*, Ormskirk: Action on Access; Aimhigher.
- Dougherty K., Kienzl G. (2006) It's not Enough to Get through the Open Door: Inequalities by Social Background in Transfer from Community Colleges to Four-Year Colleges. *The Teachers College Record*, vol. 108, no 3, pp. 452–487.
- Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. (2019) Trudoustroystvo vypusnikov sistemy srednego professional'nogo obrazovaniya: vse eshche omut ili uzhe brod? [Employment of Vocational Graduates: Still a Slough or Already a Ford?]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 109–136. doi: [10.17323/1814-9545-2019-1-109-136](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-109-136) (in Russian).
- Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. (2020) Student Employment and School-to-Work Transition: The Russian Case. *Education and Training*, vol. 62, no 4, pp. 441–457.
- Dudyrev F., Rozhkova K., Romanova O., Travkin P. (2022) Perekhod “ucheba—rabota” studentov i vypusnikov programm srednego professional'nogo obrazovaniya: informatsionnyy byulleten' [Transition “Studying — Work” of Students and Graduates of Programs of Secondary Vocational Education: Information Bulletin]. *Monitoring of Education Markets and Organizations = Monitoring ekonomiki obrazovaniya*, no 3 (20), Moscow: HSE (in Russian).
- Dudyrev F., Anisimova K., Artemyev I. et. al. (2022) Srednee professional'noe obrazovanie v Rossii: resurs dlya razvitiya ekonomiki i phormirovaniya chelovecheskogo kapitala: analiticheskiy doklad [Secondary Vocational Education in Russia: A Resource for Economic Development and Human Capital Formation: Analytical Report], Moscow: HSE. Available at: https://www.hse.ru/data/2022/09/01/1696958156/SPO_2022.pdf (accessed 21 March 2024) (in Russian).
- Dunbar-Goddet H., Ertl H. (2007) *Degrees of Success: Research on the Transition from Vocational Education and Training to Higher Education*. Working Papers of the ‘Degrees of Success’ Project, Oxford: Department of Education; University of Oxford.
- Dunbar-Goddet H., Ertl H. (2008) *Investigating the Learning Experience of HE Students with a Vocational Pathway: Findings from a Questionnaire Survey*. Working Papers of the ‘Degrees of Success’ Project, Oxford: Department of Education; University of Oxford.
- Erola J., Jalonen S., Lehti H. (2016) Parental Education, Class and Income over Early Life Course and Children's Achievement. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 44, June, pp. 33–43.
- Ertl H., Hayward G., McLaughlin J (2012) The Transition from Vocational to Higher Education from the Perspective of Higher Education Admission Staff. *The Future of Vocational Education and Training in a Changing World* (ed. M. Pilz), New York: Springer VS, pp. 63–82.
- Furlong A. (2016) The Changing Landscape of Youth and Young Adulthood. *Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood* (ed. A. Furlong), Abingdon: Routledge, pp. 19–27.

- Gimpelson V. (2019) *Vozrast i zarabotnaya plata: stilizovannie phakty i rossiiskie osobennosti* [Age and Wage: Stylized Facts and Russian Evidence]. *The HSE Economic Journal = Ekonomicheskij zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 23, no 2, pp. 185–237 (in Russian).
- Gorbunova E., Kondratjeva O (2013) *Analiz gendernykh razlichiy v vybytii iz vuza rossiyskikh i amerikanskikh studentov programm bakalavriata* [Analysis of Gender Differences in the Graduation of Russian and American Students from Undergraduate Programs]. *Universitas*, vol. 1, no 3, pp. 48–69 (in Russian).
- Hayward G., Hoelscher M. (2011) *The Use of Large-Scale Administrative Data Sets to Monitor Progression from Vocational Education and Training into Higher Education in the UK: Possibilities and Methodological Challenges*. *Research in Comparative and International Education*, vol. 6, no 3, pp. 316–329.
- Hodgson A., Spours K. (2010) *Vocational Qualifications and Progression to Higher Education: The Case of the 14–19 Diplomas in the English system*. *Journal of Education and Work*, vol. 23, no 2, pp. 95–110.
- Hoelscher M., Hayward G., Ertl H., Dunbar-Goddet H. (2008) *The Transition from Vocational Education and Training to Higher Education: A Successful Pathway?* *Research Papers in Education*, vol. 23, no 2, pp. 139–151.
- Kalogrides D., Grodsky E. (2011) *Something to Fall Back On: Community Colleges as a Safety Net*. *Social Forces*, vol. 89, no 3, pp. 853–877.
- Khavenson T. E., Chirkina T. A. (2019) *Obrazovatelny vybor uchashchikhsya posle 9-go i 11-go klassov: sravnenie pervichnykh i vtorichnykh effektov sotsialno-ekonomicheskogo polozheniya semi* [Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status]. *The Journal of Social Policy Studies* = *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 17, no 4, pp. 539–554 (in Russian).
- Kim S., Klager C., Schneider B. (2019) *The Effects of Alignment of Educational Expectations and Occupational Aspirations on Labor Market Outcomes: Evidence from NLSY79*. *The Journal of Higher Education*, vol. 90, no 6, pp. 992–1015.
- Kiryushina M. A., Rudakov V. N. (2021) *Gendernye razlichiya v zarabotnoy plate vypusnikov vuzov i uchrezhdeniy SPO na nachal'nom etape kar'ery* [The Gender Gap in Early-Career Wages of Universities' and Vocational Education Institutes' Graduates]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 2, pp. 172–198 (in Russian).
- Konstantinovskiy D. L. (2008) *Neravenstvo i obrazovaniye: opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-kh)* [Inequality and Education: Sociological Research into the Youth Life Cycle (From the 1960s to the Beginning of the 2000s)], Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya (in Russian).
- Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2018) *Rossiyskoe srednee professionalnoe obrazovanie: vstrebovanost i spetsifika vybora* [Russian Secondary Professional Education: Demand and Specificity of Choice]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 3, pp. 34–44 (in Russian).
- Lebedeva N. V., Vilkova K. A. (2022) *Pochemu devushki ne vybirayut STEM: gendernye razlichiya v motivatsionnykh orientirakh* [Why Girls Do Not Choose STEM? Gender Differences in Motivation]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsialnoye peremeny*, no 3, pp. 115–135 (in Russian).

- Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2020) *Regionalnaya differentsiatsiya dostupnosti vysshego obrazovaniya v Rossii* [Regional Differentiation of Access to Higher Education in Russia], Moscow: HSE (in Russian).
- Maltseva V. A., Rosenfeld N. Ya. (2022) *Obrazovatelno-karyernye trayektorii vypusknikov rossiyskikh vuzov na materiale longitudnogo issledovaniya* [Educational and Career Trajectories of Graduates of Russian Universities on the Material of Longitudinal Research], Moscow: HSE (in Russian).
- Maltseva V. A., Shabalin A. I. (2021) Ne-obkhodnoy manevr, ili Bum sprosa na srednee professional'noe obrazovanie v Rossii [The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 2, pp. 10–42 (in Russian).
- Milesi C. (2010) Do All Roads Lead to Rome? Effect of Educational Trajectories on Educational Transitions. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 28, no 1, pp. 23–44.
- Noy M., Zeidenberg M. (2017) Community College Pathways to the STEM Workforce: What Are They, Who Follows Them, and How? *New Directions for Community Colleges*, vol. 178, pp. 9–21.
- Oshchepkov A. (2006) *Gendernye razlichiya v oplate truda v Rossii* [Gender Wage Gap in Russia]. Working Paper WP3/2006/08, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Puzić S., Šabić J., Odak I. (2022) Vocational School Students' Aspirations for Higher Education and Selected Social Background Characteristics. *Czech Sociological Review*, vol. 57, no 6, pp. 661–682.
- Roschin S. Yu. (2006) *Perekhod "ucheba — rabota": omut ili brod?* [The School-to-Work-Transition: A Slough or a Ford?]. Working paper WP3/2006/10, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Roshchin S., Rudakov V. (2017) Patterns of Student Employment in Russia. *Journal of Education and Work*, vol. 30, no 3, pp. 314–338.
- Rzepka S. (2018) Labor Market Returns to College Education with Vocational Qualifications. *Education Economics*, vol. 26, no 4, pp. 411–431.
- Schwartz S. (2004) *Fair Admissions to Higher Education: Recommendations for Good Practice*. Admissions to Higher Education Review. Available at: <https://dera.ioe.ac.uk/id/eprint/5284/1/finalreport.pdf> (accessed 19 March 2024).
- Spence M. A. (1973) Job Market Signaling. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no 3, pp. 355–374.
- Travkin P. V. (2014) Otsenka otdachi ot dopolnitelnogo professionalnogo obucheniya rossiyskikh rabotnikov: uchet vliyaniya sposobnostey na zarabotnuyu platu [The Impact of the Job Training on Russian Worker's Salary: The Effect of Abilities Approach]. *Applied Econometrics = Prikladnaya ekonometrika*, vol. 33, no 1, pp. 51–70 (in Russian).
- Triventi M., Panichella N., Ballarino G., Barone C., Bernardi F. (2016) Education as a Positional Good: Implications for Social Inequalities in Educational Attainment in Italy. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 43, April, pp. 39–52.
- Vidal Rodeiro C., Sutch T., Zanini N. (2015) Progressing to Higher Education in the UK: The effect of prior learning on institution and field of study. *Research Matters*, no 20, Summer, pp. 13–21.

Walther A., Plug W. (2006) Transitions from School to Work in Europe: Destandardization and Policy Trends. *New Directions for Child and Adolescent Development*, vol. 2006, no 113, pp. 77–90.

Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*, vol. 91, no 3, pp. 224–241.

Received: December 12, 2022

Citation: Korotkikh E. (2024) Obrazovatel'no-kar'ernye traektorii "tranzitnykh" studentov: kolledzh—vuz [Educational and Career Trajectories of the Students Completed Vocational and Then College Degree]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 2, pp. 88–119. doi: [10.17323/1726-3247-2024-2-88-119](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-2-88-119) (in Russian).